

Оглавление

Мамочка	5
Чаюри	30
Жених.....	57
Лешка	87
Козочка	137
Плоский.....	157
Русалка	175
Батюшка	189
Хористка	211
Леший	230
Ведьма.....	261
Таня	289
Пассажир	304
От автора	317

В память о Вере Л.

Мамочка

Март 1990

— Женщина! — взвизгивают над ухом.

Александра Федоровна отрывает руку от разложенных радугой турецких маек и поднимает глаза. Продавщица с малиновыми губами нависает над ней. Таращится.

— Женщина, вы брать будете? А?

Александра Федоровна мотает головой.

— Ходют тут, ничего не покупают: «Мне просто посмотреть», — пискляво выговаривает ей продавщица и оттесняет от прилавка.

«Помада размазалась», — думает Александра Федоровна, глядя, как продавщица дует губы и ревниво поправляет бирки.

Вещевые ряды пахнут дерматином и обувным клеем. Александра Федоровна морщится, но не решается прикрыть нос. Только подтягивает хозяйственную сумку к животу и обхватывает обеими руками. Она идет медленно, покачиваясь по-утиному, а под брезентом бряцают два медных подсвечника. За вещевыми рядами — открытые прилавки с заграничными помидорами, розовощеки-

ми, налитыми и такими до неприличия дорогими, что Александре Федоровне становится тяжело дышать. Она сдвигает берет со лба, утирает лицо и морщится от ворсинок, попавших с перчатки в нос. К запаху помидорной ботвы примешивается плесневый душок. Так пахнет в подвале, куда она спускается за своими скромными припасами. Спускается, осторожно ставя ноги на шаткие перекладины, — как бы ногу не подвернуть, не ухнуть вниз, ведь если ухнет, кто ее искаль-то будет? Некому теперь. Александра Федоровна пересчитывает пузатые банки с огурцами, плавающими в мутноватом рассоле, берет из ящика пару подернутых коркой льда картофелин, выбирает пару сморщеных свекольных голов и карабкается назад в едва натопленную кухню. На чай тоже копейки лишней нет, пьет горячий кипяток — чтобы внутренности согреть. Варит постный свекольник и вспоминает Толстого с его вегетарианской диетой.

— Супчик жиденький, но питательный, — слышит Александра Федоровна присказку покойного отца. — Будешь маленькой, но старательной.

Александра Федоровна будет старательной. Нужно дожить, дотянуть до тепла. После долгой зимы на полках осталось немного. А там и на краивных щах...

— Р-рав! — прыгает на Александру Федоровну грязно-белая болонка, выскочившая между рядами.

Подсвечники в сумке звякают, напоминают. Александра Федоровна протискивается через толпу у ларька с забугорным тряпьем.

— Финские куртки за полцены, только сегодня, граждане, не теснимся, хватит на всех!

Проходит вдоль обшарпанной стены павильона и останавливается у подвала старьевщика. Не успела. Дверь заперта на навесной замок.

— Они закрыты сегодня, — констатирует из-за спины голос с южным акцентом. — В воскресенье приходи — тогда другое дело, целый день работать будут.

Александра Федоровна хочет ответить, что ей воскресенье не подходит: как можно, в воскресенье — на рынок. Но осекается. В воскресенье так в воскресенье. Никакой разницы.

— Дай бог здоровья, — отвечает она не глядя и идет к выходу. Подсвечники оттягивают руку. Мелодично стучат друг о друга, напоминают Александре Федоровне воскресный зов к заутрене.

С платформы, пошатываясь от резкого мартовского ветра, спускаются пассажиры городской электрички. Хлопают полы плащей, кто-то вправляет спицы вывернутого зонтика. Спицы щелкают, не желают вставать на место. Александра Федоровна сходит с тротуара на мостовую, где толпа разделяется на две части — поворачивает на Ленина или замирает пестрой стайкой на переезде. Ветер с путей налетает с новой силой, и Александра Федоровна вцепляется в берет. И не опускает руку, пока не поскользывается на деревянном настиле

и не хватается за чай-то грубый бушлат. Владелец бушлата охает и съезжает ботинком в жирную придорожную грязь. Оборачивается на Александру Федоровну и недовольно выдергивает локоть.

Толпа дружно переходит пути и направляется дальше по улице, а Александра Федоровна замедляется, ждет, когда парни на углу докурят, вотрут в асфальт бычки. Прикрывает нос платочком, озирается и сворачивает направо. Под соснами синеет нерастаявший снег. В сером пальто и сером берете ее почти не видно с дороги. И даже стоящие на платформе не обратят внимания на крадущуюся тень в лесополосе. Иголки налипают на блестящие носы галош, но Александра Федоровна не останавливается. Не решается отереть их о снег или сойти на брускатку. Рано еще, до фундамента дойти надо. Она идет почти вплотную к платформе, возвышающейся над землей на бетонных сваях.

— Не будешь слушаться — Кособочка утащит!

Александра Федоровна поднимает голову и видит два столба в синих резиновых сапогах и рядом парочку маленьких, ярко-желтых. Из желтых разстут тонкие девчоночки ножки в белых рейтузах. Бах-бах — топают они по снегу. А потом поскользываются, плюхаются в талую жижу. Девчоночка вскакивает на ноги, но уже поздно. По рейтузам расплываются два пятна. Звонкий шлепок разносится от платформы, и следом — тонкий рев.

— Утащит! — Шлеп, шлеп.

Рев сливается с отвратительным звоном. Александру Федоровну передергивает. Она жмется к соснам и замирает: тренъкает закрывающийся переезд. Загорается красным глаз светофора.

— Утащит, утащит... — шепчет Александра Федоровна. Жмуриится и быстро отходит прочь, от платформы, от ревущей девчонки.

Фундамент серой могильной плитой вырастает из травы. Александра Федоровна падает на колени перед ним, утыкается взмокшим лбом в рыжую, торчащую из снега траву.

Полгода прошло, как она сидела на этом же месте. Сжавшись, нахолившись под начинающимся дождем. Галоши глубоко увязли в черной жиже, но Александра Федоровна не замечала ни дождя, ни того, как коченеют пальцы на ногах. Только водила ладонью по заросшему бетонному краю и смотрела, как кусочки лишайника осыпаются в грязь. Сгоревшие поленья давно растащили на дрова. Остался только серый, треснувший в центре, бетонный зев. В глубине, где был заложен подвал, хлюпала вода и возилась окотившаяся полосатая сволочь. Александра Федоровна слышала, как она мяукает, собирает выводок по углам. Александра Федоровна обернулась: «Кыш!» — и встретилась с желтыми дикими глазами. Кошка зашипела на нее, Александра Федоровна чуть не зашипела в ответ: таращиться на меня вздумала, но...

Воздух разрезал стон. Потом еще и еще. Александра Федоровна не сразу поняла, что звук доносится не с платформы — слишком далеко. И не из леса. Стоны раздавались со стороны путей.

По земле будто пробежала судорога. Александра Федоровна встала и побрела на дрожь, на зовущие стоны.

Поломанные ветки. Черный запекшийся след на траве. Он тянулся по склону в мазутно-блестящую лужу. Александра Федоровна зажмурилась. Но заставила себя посмотреть.

След вел к телу, разпластанному, раздавленному, будто бабочки на дороге. Сломанный зонт борщевика закрывал лицо. Где-то под зубастыми темными листьями дергались руки — Александра Федоровна видела только израненные багровые ладони. Стертые о брускатку локти были неестественно вывернуты. Александра Федоровна подошла к неподвижным, раскинутым ногам. Белый край кости торчал из порванной на бедре штанины.

Снова не стон, а отзвук стона завибрировал в воздухе. Она потянулась к листьям. Но тут тело вскинулось, руки взметнулись наверх, будто кто-то дернул за них, и Александра Федоровна отшатнулась, упала на спину. А тело вытянулось над ней и заглянуло в лицо.

У самого тела лица не было. Под изломанными поднятыми руками, под взлохмаченными окровавленными волосами не было ни-чего. Было черное месиво, черная зубастая пасть. И глаза. Боль вытекала из них — нечеловеческая, выдернутая из тела, как суставы, как белые края изломанных костей. Боль, которую она услышала, почувствовала разливающейся по железнодорожной полосе.

Пасть растянулась, искривилась жалобно. И из нее тонко-тонко, знакомо так:

— Мамочка...

Александра Федоровна попятилась, цепляясь пальцами за склизкую холодную землю.

— Верни меня, мамочка! — позвал тоненький голос.

Александра Федоровна завозила руками, ища за что ухватиться. Тело двигалось на нее, вращало глазами. Руки опали и плетьми свисали вдоль залитого кровью туловища. Выдернутая бедренная кость щелкала на каждом шаге, вправляясь и вновь высовываясь из раны.

В спину уколол сучок тополя, повалившегося при пожаре, Александра Федоровна рывком поднялась, перепрыгнула ствол и побежала. За спиной ныло шатающееся тело, звало тоненьkim знакомым голосом, Александра Федоровна зажала уши, но все равно слышала за спиной надрывное:

— Ты можешь вернуть меня! Мамочка! Мамочка!

Над головой со свистом проносится птица, и Александра Федоровна дергается и оглядывает железнодорожные пути. Слушает, как сосны трутся ветками на ветру и стучит удаляющаяся электричка. Александра Федоровна встает с колен и поворачивает к поселку.

Кривая. Кособокая. Кособочка. Тень между соснами, то ли чудится, то ли вправду стоит — башка набок, руки-крюки, ноги колесом, дергаются отвратительно, будто у опрокинутого на спину жука. И глаза, у-у, страшные, таращаются. Первыми ее заметили пассажиры вечерних электричек. Александра Федоровна стояла с ними на переезде. Один мужчина, высокий, с тонкой черточкой усов под массивным носом, утверждал, что Кособочка вылезла из леса, как только электричка

остановилась, — он с отцом на лося ходил, у него глаз набит, сразу заприметил, что тварь какая-то из чащи вылупилась на него и следит. А потом тварь эта за ним до самого дома чапала. Только вот собаки испугалась и дристнула восьсяси.

Другой — нахохленный, в фуфайке до самого носа. Нос был свекольно-красный, лоб взмокший, и пахло от него совсем не одеколоном и даже не трудовым потом. Так вот он божился, что тварь шарилась у перрона аж в Сиверском. А потом, видимо, зацепилась за приступок или даже припрыгала на своих корявых лапах с чудовищной быстротой, так что, когда он вышел в поселке, она уже была тут как тут и зыркала на него дико, хищнически, но подойти близко не решилась.

Александра Федоровна вздохнула тогда с облегчением — по крайней мере, она людей не трогает.

Переезд вновь закрывается. «Твиньк-твиньк», — отзываются всполошившиеся в кронах сойки. Кособочка выходит в сумерках. Сначала слышен треск, это хрустит под ее ногами еловый настил. Потом можно разглядеть глаза — две красные фары, как на переезде, только маленькие и будто полыхают. И после, если ты, дурак, сунешься ближе, увидишь, как она корчится между соснами, как она раззявит пасть и завоет:

— Ма-а-а! У-у-у-ма! — И давай раскачиваться, припадать на одну ногу, подпрыгивать к путям.

Кто знает, что случилось, когда один бывший ученик, Вова Барашкин, или Баранов, его еще дразнили Бяшой, оказался у Кособочки на пути. Только дружки его, раздавившие бутылку на тро-

их на новом перроне, услышали страшный треск в кустах и крики.

И дружки его сбежали. Бросили и дали деру. Александре Федоровне было стыдно за них. Она их такими не воспитывала.

А потом Бяшу нашли со свернутой шеей. Кучерявая голова смотрела за спину, как самому повернуть нельзя. Руки-ноги вывернуты сгибами наружу. Вместо Бяши между веток рябины висела сломанная шарнирная кукла.

— Мамочка, мамочка, — снова чудится Александре Федоровне, она оборачивается — неглядит ли черная тень из-за сосен. Но нет. Электричка пронеслась мимо, оставляя Александру Федоровну в мертвыйтишине со звоном в ушах.

Следом пропали белорусы. Сразу трое — безымянные рабочие в одинаковых футболках с синим «abibas». Имена никто не запомнил, но в последний раз видели их на завалинке у свежесложенного, сладко пахнущего смолой соснового сруба. Строили дачу отцу Геннадию. От отца Геннадия об их судьбе и узнала. Пошла в лавку просфоры покупать — а там он стоит. Брови хмурит, на служку ругается. Она ему: «Батюшка, отец Геннадий», — и давай просить, чтобы на место на кладбище со брать помог, на хорошее, под березонькой. А отец Геннадий еще сильней нахмурился и говорит: «Да уж мне и самому пригодится теперь, на три со брать надо». Ну а после службы все только и говорить стали что о белорусах. Куда пропали, за пивом ушли, что ли, или на рынок? И как так вышло, что через неделю соседи увидели — собаки дерутся, носятся по всей улице с чем-то то ли окровавлен-

Надежда Ларионова. Не воротишься

ным, то ли костяным в зубах. Проследили и нашли три искореженных трупа в сиреневых кустах. У одного как раз левой кисти недоставало.

Галоши хлюпают по снегу — наверное, те, кто на платформе, могут подумать, что она и есть Кособочка. Александра Федоровна даже хихикает и тотчас зажимает рот рукой — какие пальцы холодные, срочно за пазуху, и по приходе домой ноги в таз с горячей водой, под плед и пропотеть.

Перелесок остается за ее спиной, Александра Федоровна выходит на дорогу и щурится от яркого белого света. Солнце просвечивает через слой облаков, как через мутное стекло. Небо — белая перьевая подушка, придавившая лицо, заглушающая рвущийся наружу крик.

Ветер дует ей в спину, подгоняет Александру Федоровну до самого храма, пока она не ныряет в сухое, медом пахнущее храмовое нутро. Александра Федоровна юркает в притвор, где стоит чан для крещения, где в полутьме горит лампадка у иконы Казанской Божьей Матери. Утыкается лбом в позолоченный край рамы. Молится тихо, почти не дыша, боясь посмотреть в светлый лик:

— Богородица, заступница, видишь мою беду, видишь мою скорбь, помоги мне!

Молится, пока совсем уж нестерпимо не начинают ныть суставы.

Подъем в горку дается ей тяжело. Дом стоит на возвышенности, на рыхлом, поросшем сосновыми обрыве. Забор давно стек по склону вниз, к бере-

гу. А за забором — Оредеж, холодная, порожистая, с шаткими рыболовными мостками и обнесенными рабицей заводями летних лагерей. Крыльцо завешено бурым шерстяным покрывалом, чтобы краска на двери не выцвела. Кое-где ткань проела моль, и через дыры пробиваются тонкие лучики света. Александра Федоровна садится в тени, прислонившись к дровнице спиной, и пытается отдохнуть.

«Мамочка, мамочка, ма-ма...» — пульсирует в ушах. Страшное, потустороннее «мамочка». И другое, которое слышала столько раз. «Мамочка, мамочка», — Тата висит на подоле, хнычет, морщится и указывает пальцем на застекленный сервант. Там, в фарфоровой сахарнице, спрятана ее соска. Тате уже третий год, в садик ходит и сама одевается, а на сон все равно «пососькать» просит. Александра Федоровна закрывает глаза и сдерживается, чтобы не накричать на нее. Детской скучелки ей и на работе хватает. Тата тянет и тянет на одной плаксивой ноте, но Александра Федоровна понимает, что слышит уже не ее, а заунывшую поминальную панихиду. Панихиду, которую не спели по Тате. Отказались петь.

«Не отпели, отвели от Господа». Александра Федоровна сползает по стеночке, под ладонью холодная, влажная доска. Тате пять, и она сама взобралась на дровяник. Глаза блестят, как у кошки, ручки вцепились в шиферный край. «Татьяна, спускайся немедленно! Я тебе сейчас!» — слышит она свой голос, такой звонкий, молодой и разъяренный. Ну а как иначе, шифер хилый, дешевый, проломится как пить дать. Тата хохочет, заливается, не знает, какая волна поднимается там, внизу, внутри

ее матери, волна, которая захлестнет ее, их обеих, захлестнет с головой. Как Тата будет уворачиваться, жаться по углам, кричать жалобно: «Мамочка, мамочка!» А мамочка будет пропускать ее крик мимо ушей.

Веки тяжелеют, в голове гудит. Александра Федоровна зажмуривается и видит Тату в полутьме сеней. Тата возится с застежкой на туфле. В августе темнеет рано, и Александра Федоровна различает только ее беленькую макушку и ровный пробор. «Запаздываю опять, мамочка. Не сердись». На Тате белая блузка, слишком нарядная для ночной смены. Александра Федоровна не отвечает, поджимает губы и хлопает дверью в дом. Тата, Тата — отличница, Тата — гордость своей мамочки, школы, поселка — снова торопится просиживать юбку за кассой.

Татиного лица она больше не видела. И не видела, как на лоб ее, холодный и белый, кладут белый платочек для прощания.

Александра Федоровна обхватывает голову руками, она вся в снегу. Поднимает глаза — с неба сыплются крупные хлопья, похожие на куски булки, которые кидают голубям на церковном дворе.

Кипяток шипит, наполняя белую чашку с розой на боку и золотой каемкой. В последний раз попить из любимого сервиза — кабы знать еще, сколько за него дадут.

Это, нечто, черное и мертвое, шатающееся по лесам, разве оно может быть Татой? Это бесовщина, это тварь, Кособочка, а Тата... Вдруг ее и вовсе не было в ту ночь на вокзале? Разве Тата, ее снегу-

рочка?.. Чтобы не нашли ни одной целой косточки от нее, ведь и косточки достаточно, чтобы похоронить.

В ту летнюю ночь она проснулась, когда едкий дым просочился через открытое окно в спальню, пощекотал ноздри. Александра Федоровна вскочила, побежала к плите — выключена. К утюгу — черная вилка свисает с доски, поблескивая серебристыми кончиками. Мазнула взглядом по полу, по стенам, нигде не было огня, хотя запах дыма слышался все отчетливее. Краем глаза заметила, что дочери нет на софе. И софа стоит собранная, гладкая.

— Тата, ты куда запропастились, Тата! — Голос со сна был жесткий, охрипший. И вдруг Александра Федоровна замерла у окна. Столб дыма выился над крышами соседних домов. Что-то ехнуло у нее внутри тогда, укололо сердце тонкой булавочной иглой. Александра Федоровна прямо в тапочках выпрыгнула в росу.

Дым стелился по поселку. Александра Федоровна вцепилась зубами в рукав сорочки и побежала к калитке.

Когда она добралась до путей, у переезда уже толкались люди. Красно-черное пожарище урчало, как взбешенный медведь. Через стрекот и улюлюканье толпы Александра Федоровна услышала вой приближающейся пожарной машины. Машина пронеслась мимо, едва не задавив парочку полуспящими зевак. Но стоило машине проскочить за переезд, толпа вновь сомкнулась. В ней нарастало недовольство.

— Лей! Еще лей, больше воды надо!

Александра Федоровна утерла рукавом глаза. И закрыла лицо руками. Из груди у нее вырвался хриплый то ли стон, то ли... Александра Федоровна расхохоталась, утробным, рычащим смехом, внутри у нее пульсировало — уже поздно. Уже поздно!

— Твоя? Твоя там?

Александру Федоровну затрясло, она обхватила себя руками, попятилась и села на камни у дороги.

Она не обращала внимания на собирающихся вокруг нее. Голова ее налилась тяжестью, сердце медленно протыкала игла. Александра Федоровна не противилась. Опустила голову на руки и стала качаться — туда-сюда, туда-сюда.

На губах становится больно, солено, и капелька крови падает на белый фарфор. Кап. И новая капля бежит по подбородку и падает в кипяток. Окрашивает в нежный розовый цвет. Александра Федоровна зажимает ранку большим пальцем и выплескивает кипяток в горшок со спатифиллумом. Желтые листики вздрагивают. Несколько засохших падает на подоконник, и Александра Федоровна сгребает их в кулак. Давно надо было на мороз выставить. Только труху с него убирать. Зря его Тата со школы притащила. Хотя у нее цветы хорошо росли. Легкая рука. А этот — особенно. Даже цвел неприличного вида белыми цветами.

Александра Федоровна снова проходится по подоконнику, по столу и принимается осторожно, тонкой хлопковой тряпочкой, перемывать сервис. Золотые каемки и лепестки роз на чашках сияют